

УДК 172.4

ФИЛОСОФИЯ ВОСПИТАНИЯ В ПРАВСТВЕННОМ УЧЕНИИ Н.Ф. ФЕДОРОВА

УДАЛОВА Надежда Егоровна,

кандидат философских наук, доцент кафедры государственной и муниципальной службы и кадровой политики Воронежского филиала, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

АННОТАЦИЯ. В статье обосновывается важность духовного наследия русской философии для современного образования. В этом контексте рассмотрены некоторые идеи нравственной философии Н.Ф. Федорова, которые имеют педагогическую значимость. Реконструкция этических аспектов науки, памяти, истории позволяет выявить воспитательный идеал философа. Делается вывод, что педагогические идеи Н.Ф. Федорова могут использоваться в современном образовательном процессе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская философия, образование, нравственность, воспитание, школа, храм, музей.

UDALOVA N.E.,

Cand. Philosoph. Sci., Docent of the Department of State and Municipal Service and Personnel Policy Voronezh Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

PHILOSOPHY OF EDUCATION IN THE MORAL TEACHING OF N.F. FEDOROV

ABSTRACT. The article proves the importance of the spiritual heritage of Russian philosophy for modern education. In this context, we consider some of the ideas of N.F. Fedorov's moral philosophy that have educational value. Reconstruction of the ethical aspects of science, memory, history reveals the educational ideal of the philosopher. The conclusion is that the pedagogical ideas of N. F. Fedorov can be used in modern educational process.

KEY WORDS: Russian philosophy, education, morality, upbringing, school, temple, museum.

Образовательный потенциал русской философии сегодня не только не востребован, он еще и не раскрыт должным образом, оставаясь во многом неизведанной областью. В значительной степени это связано с тем, что современный образовательный процесс преследует в большей мере прагматические цели, направленные на социализацию личности в мире господствующих потребительских ценностей. За бортом этого процесса оказывается русская философия с ее бескорыстным стремлением к истине, добру и красоте, к духовным и нравственным абсолютам.

Философско-педагогический синтез представляет собой необходимую теоретическую основу, в равной степени значимую и для философии, и для образования. Во многом такой синтез есть искомый идеал для полноценного духовного бытия культуры, и его отсутствие негативным образом сказывается и на философском, и на образовательном процессе.

Вот как оценивается современное образование некоторыми ведущими представителями отечественной гуманитарной науки.

Известный специалист в области русской философии М.Н. Громов в статье «Светское и духовное в высшем образовании России» говорит об исторически сложившемся перекосе в системе образования, который негативно отражается на сегодняшнем духовном состоянии общества и культуры. Он пишет: «...недооценка внимания к духовной компоненте порождает выпуск бездуховных специалистов, профессионально подготовленных, но нравственно недостаточно развитых и морально неутвердившихся.

Когда сейчас много говорят о моральной деградации, нравственном отупении, реальной депопуляции нации, среди ряда причин, их порождающих, уместно вспомнить и об этой. Если мы хотим возрождения России, то нужно активно работать во всех сферах деятельности, в том числе в системе образования, где выращиваются сотни тысяч пока односторонне подготовленных специалистов» [1, с. 225].

А вот что не так давно сказал известный литературовед В.С. Непомнящий о «технологизированной дегуманизации» непрекращающейся реформы образования на страницах педагогического издания: «Это – нейтронная бомба, которая превратит Россию не в "благополучное общество", не в некое "как все", а в нацию одаренных бандитов и их жертв» [2, с. 100]. Можно, конечно, еще приводить различные мнения, но общая ситуация уже ясна из вышеприведенных высказываний.

Думается, что такой радикализм в оценке сложившейся ситуации вполне оправдан. Именно по этому обращению современного образования к традициям русской нравственной философии представляется особенно важным. Неверно думать, что философия занята лишь абстрактными вопросами, далекими от реальных жизненных запросов. Философия, осмысливая бытие в метафизических категориях, вырабатывает идейные принципы, применимые к различным областям культуры, в том числе и к образованию. К тому же необходимость обращения педагогики к русской философии обусловлена ее сокровенной сущностью, которая хорошо

раскрыта А.А. Корольковым: «...устремленность русской философии к идеалам – это одна из, может быть, существенных характеристик вообще русского отношения к жизни, которая лишь фиксирована в определенных философских текстах» [3, с. 191].

Необходимо отметить, что существуют серьезные попытки такого обращения в трудах современных педагогов и философов, среди которых Е.П. Белозерцев, А.А. Корольков, Ф.Т. Михайлов и др. [3; 4; 5]. В работах этих и других авторов подчеркивается неразрывная связь философии и образования, их диалектическое взаимодействие, необходимость сотрудничества в рамках духовных традиций отечественной культуры. Многие идеи русских мыслителей активно используются в педагогических целях. Здесь можно назвать такие имена, как Л.Н. Толстой, В.В. Зеньковский, Н.А. Бердяев, С.И. Гессен, В.В. Розанов. Естественно, это далеко не полный перечень имен, и работа по педагогическому освоению русских философов еще впереди [6].

В этом контексте представляют интерес педагогические воззрения оригинального русского философа Н.Ф. Федорова, которые, с нашей точки зрения, находятся в тени по сравнению с его идеями как родоначальника «философии русского космизма».

Вообще, этот мыслитель занимает особое место в отечественной культуре. Это одна из наиболее сложных и противоречивых фигур русской философии. С одной стороны, характерна традиционно высокая оценка Федорова, наподобие той, которую дал ему видный русский философ В.Н. Ильин: «На пиру Русской Философии ему принадлежит самый красный угол, если не право председателя» [7, с. 732]. С другой стороны, справедливы слова ученика Федорова, тоже известного философа и историка В.А. Кожевникова: «...мыслитель, создавший целое учение, изумительное по глубине, содержательности и логической стройности, остался неизвестным большинству наших философов-специалистов» [8, с. 30].

Такая парадоксальность оценок философа связана с тем, что его учение воспринимается, как правило, в терминах проекта воскрешения умерших предков, что нередко получает поверхностную и вульгарную трактовку (как в случае с современным трансгуманизмом). Учение Н.Ф. Федорова, чаще именуемое как «философия общего дела», находится в русле религиозной традиции русской философии, в которой христианские идеи, связанные со смертью и бессмертием, имеют огромное значение. Оригинальность русской философии часто усматривается в особой заостренности проблематики, связанной со смертью. Идеи Д.В. Веневитинова, Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева, Л.Н. Толстого, Л. Шестова, Л.П. Карсавина и многих других видных представителей отечественной философской мысли пронизаны предельными вопрошаниями, вызванными осознанием человеческой конечности. В этом смысле учение Федорова традиционно для русской религиозной философии и вообще для философской культуры. В то же время сильный акцент на некоторых аспектах христианской сотериологии вызывает смущение и замешательство.

С нашей точки зрения, педагогические идеи Н.Ф. Федорова имеют самостоятельное значение, поскольку содержат не только религиозные, но и нравственные идеи, значимость которых для образования очень высока. Однако нужно отметить, что доминирующей тенденцией, связанной с осмыслением

философии Федорова, является линия «космической философии». В этом контексте вызывают интерес исследования, в которых подчеркивается важность педагогического аспекта у Федорова. Как отмечает Е.А. Плеханов: «Воскрешение в "философии общего дела" становится делом "философии всеобщего воспитания", что позволяет нам с полным основанием рассматривать учение Федорова под углом зрения философско-педагогической антропологии» [9, с. 29]. В другой работе этот же исследователь пишет: «Учитывая то решающее значение, которое Н.Ф. Федоров отводил образованию в духовно-нравственном преображении человечества, его учение можно рассматривать как особый вариант разработки идеи пайдеи – идеи, являющейся в различных ее культурно-исторических модификациях духовно-смысловой универсалией гуманистического сознания» [10, с. 337].

Иными словами, «общее дело» становится одновременно и «школьным делом». Действительно, работы Н.Ф. Федорова наполнены понятиями – «воспитание», «образование», «просвещение», которым придается особый нравственный статус. Вот одна из формулировок истинного воспитания в понимании философа: «Воскрешение, будучи противоположно прогрессу, как сознанию превосходства младшего над старшим, как вытеснению младшими старших, требует такого воспитания, которое не вооружало бы сынов против отцов, а напротив, ставило бы главным делом сынов воскрешение отцов <...> Истинное воспитание состоит не в сознании превосходства над отцами, а в сознании отцов в себе и себя в них. Воскрешение есть полное выражение совершеннолетия, выход из школы; оно требует общества самостоятельных лиц, сынов, участвующих в общем деле воскрешения отцов. С воспитанием кончается дело отцов, родителей и начинается дело сынов – воскресителей. В рождении и воспитании родители отдают свою жизнь детям, а в деле воскрешения начинается возвращение жизни родителям, в чем и выражается совершеннолетие» [11, т. I. с. 56–57].

Подобных высказываний, из которых видно, что «воспитание» и «воскрешение» в его учении находятся в отношениях взаимной дополняемости, что одно не существует без другого, много в текстах Н.Ф. Федорова. Но неверно было бы сказать, что одно является средством для другого (например, нравственность есть средство для воскрешения). Для того, чтобы подняться до понимания необходимости воскрешения, нужен определенный уровень нравственного развития; а само нравственное развитие невозможно без воскресительного идеала. В определенном смысле это идеальная педагогическая модель, основанная на нравственном идеале. Но эта модель не может быть в полной мере усвоена светским образованием в силу того, что целью такого образования является все-таки не воскрешение предков, а формирование полноценной личности, в которой гармонично бы сочетались духовное, нравственное и профессиональное.

В то же время в учении Н.Ф. Федорова содержится значительное количество ценных идей, которые вполне могут быть усвоены и светским образованием, учитывая тот факт, что это образование носит национально ориентированный характер, то есть укоренено в духовных ценностях национальной культуры.

Рассмотрим эти педагогические идеи философа. Прежде всего, представляет интерес федоровская

критика светского образования, которое, с его точки зрения, служит целям прогресса, а не нравственному воспитанию. Этот аспект крайне важен сегодня, когда видны отрицательные результаты бездуховного прогресса, основанного на идеях усовершенствования внешних форм социальной жизни. Многие выдающиеся отечественные и западные мыслители XIX–XX вв., среди которых К.Н. Леонтьев, Ф. Ницше, Г. Риккерт, Н.А. Бердяев, Й. Хейзинга, О. Шпенглер, Х. Ортега-и-Гассет, А. Швейцер, М. Хайдеггер и др., говорили об этом в терминах кризиса культуры.

Однако именно Н.Ф. Федорову принадлежит здесь особое место, поскольку он задолго до многих известных критиков потребительской цивилизации заговорил о моральном упадке такого типа цивилизации. До того момента, когда многим стали очевидны негативные результаты общества потребления, Федоров увидел исток этих процессов, осознав, что прогрессом движут безнравственные силы. Он писал: «В слепом ожесточении друг против друга, в состоянии которого мы находимся в настоящее время, когда на борьбу во всех видах (конкуренция, соревнование и т.п.) смотрят как на единственный двигатель прогресса, когда все, в том числе даже искусство, выводят из борьбы, – нам немного понадобится времени на то, чтобы пожрать друг друга» [11, т. II, с. 227].

Проницательный взгляд мыслителя, а также его собственный, достаточно большой опыт педагогической деятельности, позволил ему увидеть, что не только все прочие институты культуры, но и существующая система образования (преимущественно в земской школе и в университете) основывается на идеях безнравственного прогресса. Это образование «формально» по своей сущности, в нем культивируется «знание ради знания» и «развитие ради развития». Именно этот аспект вызывает сегодня наибольшую критику существующей системы образования, о которой мы уже говорили выше.

Особенно сильный критический настрой философа направлен в адрес университета, в котором воплощены, по его мнению, наиболее сильные изъяны светского образования. «Университет, – говорит Н.Ф. Федоров, – это самое больное место современного общества, ведущее его самым прямым путем к гибели» [11, т. III, с. 249]. Эти изъяны сконцентрированы в следующих моментах. Во-первых, университетская наука, считает Федоров, не занимается фундаментальным исследованием природы, в которой самыми значимыми являются смерть и смертность; во-вторых, позитивистский характер университетской науки формирует непатриотичное мышление, поскольку разрушает ценность сакрального как такового; и в-третьих (это главное), университет, являясь «храмом ложной науки», становится рассадником «фарисейской морали», основанной на формально-юридических представлениях о правах и свободах.

Возможно, эти воззрения могут показаться сегодня излишне ригористическими, однако значительная доля истины в них все же есть. Так, интересно отметить, что федоровская критика науки за невнимание к смерти резонирует с идеями И.И. Мечникова, который считается основателем танатологии – науки о смерти. Так, в своих известных «Этюдах оптимизма», он, между прочим, писал: «Читатель этих строк будет, по всей вероятности, очень изумлен недостаточностью научных данных по вопросу о смерти. В то время как задача эта за-

нимает преобладающее место в религиях, философиях, литературах и народных преданиях, в науке ей отведено лишь незначительное место. Этим печальным обстоятельством можно если не оправдать, то, по крайней мере, отчасти объяснить нападки на науку за то, что она занимается частными вопросами и пренебрегает великими задачами человеческого бытия, как например вопросом смерти» [12, с. 90].

В этом смысле Н.Ф. Федоров провидчески определил одно из важнейших направлений естественного знания, которое сегодня получило мощное развитие [13]. Это стало возможно не только благодаря тому, что обратили внимание на проблему смерти, но в связи с тем, что сам метод исследования определили в терминах «цельного знания». Этот идеал знания характерен для отечественной философии, которая стремится к целостному познанию своего предмета во всем многообразии материально-духовных взаимодействий. В философии Н.Ф. Федорова концепт «цельного знания» приобретает глобальный характер, поскольку включает в себя и прошлое/настоящее/(темпоральный аспект), и природу/культуру (пространственный аспект). Важно заметить, что подобный идеал универсальной науки характерен не только для традиций отечественной философии, но и для классической европейской педагогики. Е.А. Плеханов отмечает: «Федоровский проект Музея-школы по содержанию весьма близок к замыслу "Пампедии" Я.А. Коменского, у которого принцип "все должны учиться всему и притом всесторонне" также выражает идею универсального энциклопедического и духовно-преобразующего (пансофийного) образования» [9, с. 43].

Однако нужно отметить существенные отличия между взглядами Коменского и Федорова на сущность образования. Если первый, делая акцент на «всесторонности», не выходит за рамки детерминированной природой мира, то второй охватывает природный мир не только в плане созерцания, но и преобразования. Свой идеал целостного знания Н.Ф. Федоров формулирует на фоне критики существующей университетской науки: «Заслуживает ли названия истинной та сословная наука, наука университетская, которая основывается на наблюдениях, производимых кое-где, кое-когда и кое-кем, выводы из которых, а также из кабинетных и лабораторных опытов прилагаются к фабричной и заводской деятельности. Или же наука должна быть, как это выше сказано, достоинством всех, т.е. быть выводом из наблюдений, производимых везде, всегда и всеми, выводом, прилагаемым к регуляции, или управлению, слепую и бесчувственную силу природы... Вправе ли наука чистая, наука университетская, быть безучастною к человеческим бедствиям, т.е. должна ли она быть знанием лишь для знания, знанием лишь того, почему сущее существует, а не того, почему живущее страдает и умирает?! И не преступна ли наука прикладная, создающая предметы вражды – мануфактурные игрушки – и вооружающая враждующих из-за этих игрушек истребительнейшими и мучительнейшими орудиями, мощно содействующими к обращению земли в кладбище» [11, т. I, с. 398].

Философ предлагает такую модель универсальной науки, в которой знание не отделено от нравственности, то есть гносеология не отделена от аксиологии. Философ выступает против аксиологической нейтральности науки: «У науки нет ни совести, ни

стыда, ни сострадания. Нынешнее знание есть сила, но сила безнравственная, т.е. бесстрастная» [11, т. III, с. 218]. Такое знание, имеющее целью лишь познание внешнего мира и, соответственно, количественное накопление информации, не оказывает никакого нравственного воздействия на человека. Нужно отметить, что отрыв знания от этики является одной из важнейших проблем современной гуманитарной науки. В этом плане гуманитарные идеи Федорова оказываются такими же важными, как и его интуиции в естественнонаучной сфере.

Одна из важнейших идей нравственного учения Н.Ф. Федорова, имеющая педагогическое значение, это идея памяти и ее этического антипода – забвения. Память рассматривается, как правило, с точки зрения психологии, т.е. как нейрофизиологический механизм. Федоров трактует память как духовное явление, формирующее нравственные основы истории. Вопрос о значимости памяти в философии Федорова в разных аспектах представляет интерес для современных исследователей [14; 15; 16; 17; 18]. Фундаментальный аспект памяти как преодоления времени и, соответственно, наличного безнравственного порядка сущего раскрыт Г.П. Аксеновым. «Расширение памяти есть преодоление времени, беспамятства, животного-подобного рождения, наслаждения настоящим и умирания» [16, с. 41]. Это как раз духовное, а не психологическое восприятие памяти.

Особенно значимы педагогические аспекты, связанные с этико-философским осмыслением памяти. Для этого нужно посмотреть, как работает память в нравственном сознании человека. Совесть как основное нравственное понятие определяется Федоровым через память [11, т. I, 137]. В этом смысле работа нравственного сознания зависит от того, насколько сильна в нем работа памяти, которая становится духовным центром личности. О памяти говорили очень многие, но лишь у Федорова она приобретает абсолютное нравственное измерение.

Через память, таким образом, раскрывается нравственный смысл истории. Наличное состояние истории – это состояние, порожденное забвением этических оснований бытия. Именно поэтому Федоров считает: «История как она есть [как] факт, беспредельное существование, рознь, взаимное истребление. Это инфраморализм, низшая нравственность» [11, т. III, с. 319]. По сути дела, такое состояние человеческой истории мало чем отличается от природного, животного мира, в котором действуют те же самые хищнические механизмы выживания.

Что же делает человека человеком, а человеческую историю именно человеческой, а не количественной проекцией природного мира? Память, которая воспринимается как духовное явление. В этом философ находит основания для формирования своего идеала воспитания, который оказывается связанным с воскресительной силой памяти. Не случайно в наследии Федорова ключевую роль играет музей. Он создает образ идеального музея, который был бы не просто собранием фактов прошлого, но вмещалищем живых смыслов, образующихся при нравственном восприятии истории.

Необходимо отметить, что современные профессиональные работники музейного дела высоко ценят Н.Ф. Федорова как одного из основоположников музееведческой мысли в России. В частности, интересно такое мнение: «Его понятие музея гораздо глубже, нежели интерпретация музея, принятая

Международным советом музеев почти через столетие» [19, с. 220].

В контексте своего учения Н.Ф. Федоров развивает идею «Музейской правды», суть которой заключается в том, чтобы «восстанавливать забытое, воздать должное тому, к кому были несправедливы современники» [11, т. III, 132]. Здесь ключевое слово «правда», которое переводит музей из механического скопления артефактов прошлого в собрание «живых лиц», одушевленное воскресительной силой памяти. Идея музея, таким образом, является центральной во всей педагогической концепции Федорова, поскольку посредством памяти она имеет возможность осуществлять синтез истории, религии и образования. Формулирует он ее следующим образом: «...как только ум приходит в чувство, то начинается воспоминание отцов умерших (музей), а вместе и соединение сынов этих умерших, а также и отцов, еще живущих (собор) для воспитания своих сынов (школа)» [11, т. I, с. 45].

Таким образом, триада музей – храм – школа является базовым концептом и фундаментом образовательной модели Н.Ф. Федорова. Комментируя эти мысли философа, современный исследователь пишет: «Музей, Храм (Собор) и Школа становятся важнейшими взаимосвязанными и взаимообратимыми символами, выражающими внутреннюю перестройку общей жизни людей. Соответственно этому их соединение составляет основу философско-педагогической программы русского мыслителя» [9, с. 41].

Для практической реализации поставленных педагогических целей необходимо, согласно Н.Ф. Федорову, создать систему действительного народного просвещения. Отталкиваясь от христианского универсализма, не приемлющего ни национальной, ни сословной иерархии, такое просвещение способно сделать задачу обучения действительно всеобщей. Народное просвещение мыслится философом в качестве педагогического идеала, который должен быть непременно реализован в будущем.

Необходимо отметить, что в образовательной модели Н.Ф. Федорова главное место занимает идея воспитания историей. Это особенно актуально сегодня, когда и в научном, и в педагогическом, и в общественном сознании остро встал вопрос об истории, ее роли и месте в образовательном процессе, о ее духовно-нравственном и воспитательном значении. На смену нигилистическому отношению к историческому наследию, которое было характерно для нашего недавнего прошлого, приходит понимание важности исторического опыта, осмысление которого должно занять большое место в современном воспитательном процессе. В этом смысле обращение к классическому наследию русской философии в лице одного из ее наиболее ярких и глубоких представителей, которым был Н.Ф. Федоров, может обрести утраченные духовные и нравственные основания и понять фундаментальное значение истории.

Итак, можно сформулировать основные идеи философии воспитания Н.Ф. Федорова, актуальные для нынешнего времени:

– критика светской модели образования, в которой делается акцент на внешнем аспекте накопления знаний («знания ради знания», «развитие ради развития») без понимания значимости нравственных факторов для полноценного развития человека;

– идеал целостного знания (универсальной науки), который предполагает взаимодействие нравственных и познавательных начал;

– воспитание историей, предполагающее раскрытие нравственных измерений памяти как этического антипода забвения, порождающее формальное и пренебрежительное отношение к ушедшим поколениям;

– образовательно-воспитательный комплекс «музей – храм – школа», направленный на синтез исторического знания и духовного просвещения человека;

– идеал народного просвещения, исключаящий всякую сословную привилегированность, предполагающий всеобщность обучения (задача – учить и учиться, воспитывать и воспитываться) в качестве нравственной обязанности каждого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Громов, М.Н. Изборник 70 [Текст] / М.Н. Громов. – Тверь : Альфа-пресс, 2013. – 560 с.
2. Непомнящий, В.С. Прощай, Россия? [Текст] / В.С. Непомнящий // Вестник Московского университета. Серия 20. Педагогическое образование. – 2011. – № 2. – С. 97–101.
3. Корольков, А.А. Драма русского просвещения [Текст] / А.А. Корольков. – СПб. : Алетейя, 2013. – 332 с.
4. Белозерцев, Е.П. Образование: историко-культурный феномен [Текст] / Е.П. Белозерцев. – СПб. : Изд-во Р. Асламова «Юридический центр Пресс», 2004. – 704 с.
5. Михайлов, Ф.Т. Избранное [Текст] / Ф.Т. Михайлов. – М. : Индрик, 2001. – 655 с.
6. Шеховская, Л.Н. Педагогика и философия: духовно-ментальный диалог [Текст] / Л.Н. Шеховская // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – Вып. № 5. – Т. 77. – С. 33–38.
7. Ильин, В.Н. Ответ Г.В. Флоровскому [Текст] / В.Н. Ильин // Н.Ф. Федоров: etcontra: в 2 кн. Книга первая. – СПб. : РХГИ, 2014. – С. 725–733.
8. Кожевников, В.А. Опыт изложения учения Н.Ф. Федорова по изданным и неизданным произведениям, переписке и личным беседам [Текст] / В.А. Кожевников. – М. : Мысль, 2004. – 576 с.
9. Плеханов, Е.А. Философско-педагогическая антропология «общего дела» [Текст] / Е.А. Плеханов // На пороге грядущего: Памяти Николая Федоровича Федорова (1829–1903). – М. : Пашков дом, 2004. – С. 29–43.
10. Плеханов, Е.А. Идея пайдеи в философско-педагогическом творчестве Н.Ф. Федорова / Е.А. Плеханов // «Служитель духа вечной памяти». Николай Федорович Федоров (к 180-летию со дня рождения) : в 2 ч. – М. : Пашков дом, 20010. – Ч. 1. – С. 337–363.
11. Федоров, Н.Ф. Собрание сочинений : в 4-х тт. [Текст] / Н.Ф. Федоров. – М., 1995–2004.
12. Мечников, И.И. Этюды оптимизма [Текст] / И.И. Мечников. – М. : Наука, 1988. – 328 с.
13. Handbook of Thanatology: The Essential body of Knowledge for the Study of Death, Dying, and bereavement / [Ed. by David E. balk, David K. Meagher]. – London : Routledge, 2013. – 670 p.
14. Семенова, С.Г. О философских категориях Федорова [Текст] / С.Г. Семенова // На пороге грядущего: Памяти Николая Федоровича Федорова (1829–1903). – М. : Пашков дом, 2004. – С. 6–29.
15. Гачева, А.Г. «Что такое история?» (религиозная историософия Н.Ф. Федорова) [Текст] / А.Г. Гачева // «Служитель духа вечной памяти». Николай Федорович Федоров (к 180-летию со дня рождения) : в 2 ч. – М. : Пашков дом, 20010. – Ч. 1. – С. 248–274.
16. Аксенов, Г.П. Преодоление времени [Текст] / Г.П. Аксенов // Философия бессмертия и воскрешения. По материалам VII Федоровских чтений. – М. : Наследие, 1996. – Вып. 1. – С. 35–47.
17. Варава, В.В. Нравственная философия Николая Федорова [Текст] / В.В. Варава // Н.Ф. Федоров: etcontra : в 2 кн. Книга вторая. – СПб. : РХГА, 2008. – С. 927–964.
18. Меденица, В. Истина есть истина, алетейя, вечная память [Текст] / В. Меденица // На пороге грядущего: Памяти Николая Федоровича Федорова (1829–1903). – М. : Пашков дом, 2004. – С. 65–81.
19. Решетников, Н. Музей – хранилище социальной памяти [Текст] / Н. Решетников // Философия бессмертия и воскрешения. По материалам VII Федоровских чтений. – М. : Наследие, 1996. – Вып. 1. – С. 220–236.